

УДК 340

Упоров Иван Владимирович

доктор исторических наук, кандидат
юридических наук, профессор, профессор
кафедры конституционного и административного права,
Краснодарский университет МВД России
popov-52@mail.ru

Попов Михаил Юрьевич

доктор социологических наук, профессор

popov-52@mail.ru

Бугаенко Юлия Юрьевна

кандидат философских наук, доцент
кафедры уголовного права юридического факультета,
Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина
popov-52@mail.ru

Ivan V. Uporov

Doctor of Historical Sciences, Ph.D., Professor,
Professor of the Department of Constitutional and
Administrative Law, Krasnodar University of the
Russian Interior Ministry

popov-52@mail.ru

Mikhail U. Popov

doctor of sociological sciences, Professor

popov-52@mail.ru

Yulia Y. Bugaenko

Ph.D., Associate Professor of Criminal Law, Law
Faculty, Cuban State Agricultural University I.T. Trubilin

popov-52@mail.ru

**БОРЬБА С ПРЕСТУПНЫМИ СООБЩЕСТВАМИ
В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ:
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

**FIGHTING CRIMINAL COMMUNITIES IN MODERN HISTORY
OF RUSSIA: HISTORICAL AND LEGAL COMPARATIVE ANALYSIS**

Аннотация. В данной статье рассматриваются тенденции развития уголовного законодательства России об ответственности за создание преступных организаций, участие в них и руководство ими. Делается сопоставление с нормами действующего УК РФ, даётся оценка предложениям о введении в уголовный

закон нового состава преступления - занятие высшего положения в преступной иерархии. Отмечается, что действующий УК РФ позволяет и без этих поправок привлекать к ответственности организаторов преступных сообществ, а акцент должен быть на правоприменительной практике, в том числе по вопросам контроля за доходами чиновников.

Ключевые слова: уголовный закон, организованная преступность, шайка, банда, соучастие, преступное сообщество, неотвратимость.

Annotation. Trends in the development of the criminal legislation of Russia on the responsibility for the creation of criminal organizations, participation in them and their management are considered. A comparison is made with the norms of the current Criminal Code of the Russian Federation, an assessment is made of the proposals for introducing a new crime into the criminal law - the highest position in the criminal hierarchy. It is noted that the current Criminal Code of the Russian Federation makes it possible to bring to justice the organizers of criminal communities without these amendments, and the emphasis should be on law enforcement practice, including on the issues of control over the incomes of officials.

Keywords: criminal law, organized crime, shai-ka, gang, complicity, criminal community, inevitability.

В последние годы российский уголовный закон (УК РФ[1]) подвергается уже привычным перманентным изменениям. Всего за 22 года действия УК РФ было издано уже 237 (!) законов о внесении и изменении в этот акт, и уже остались единицы статей УК РФ, не подвергнутых коррективам. На большинство новелл УК РФ в российском обществе мало обращается внимания ввиду их многочисленности. Среди немногих из них, вызвавших повышенный резонанс, следует отметить президентскую инициативу о введении уголовной ответственности за лидерство в преступном сообществе (преступной организации), в частности, предлагается ввести новый состав преступления – «занятие высшего положения в преступной иерархии» (ст. 210.1 УК РФ) [2]. Такая реакция обусловлена, с одной стороны, ожиданиями общества в сфере противодействия организованной преступности, а с другой стороны, неоднозначностью содержания самого законопроекта. Его оценочная характеристика, на наш взгляд, будет более полной, если выявить основные тенденции развития ответственности за организацию и участие в преступных сообществах (преступных организациях) в истории уголовного права России.

Прежде всего, необходимо отметить, что действующая формулировка состава преступления по ст. 210 УК РФ – «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)» - ранее, в предыдущих уголовных кодексах, не применялась. Но это не значит, что данный состав преступления появился на пустом месте – он, как и всякое другое социальное явление, имеет свои истоки. Отсчёт целесообразно начинать с периода, когда в России появилось полноценное систематизированное уголовное законодательство – с тем, чтобы сравнение в разные исторические эпохи было более корректным, то есть, с момента

издания Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Предварительно ещё отметим, что организация преступного сообщества согласно ст. 35 УК РФ относится к особо тяжким преступлениям, а само преступное сообщество (преступная организация) является самым общественно опасным видом преступного соучастия (после группы лиц, группы лиц по предварительному сговору и организованной группы). В уголовном законе этот состав преступления отнесён к преступлениям против общественной безопасности. Обращает на себя внимание, что само по себе создание преступной группы лиц по предварительном сговору и преступной организованной группы, в отличие от создания преступного сообщества, не является преступлением.

В уголовном праве Российской империи предусматривался такой вид соучастия в совершении преступлений, как «шайка» (преступное «общество», «сообщество»). Довольно подробно в то время исследовал данный вид соучастия профессор, декан юридического факультета Варшавского университета С.М. Будзинский, который полагал, что шайка - вид преступного сообщества, которое отличается общеуголовной целеустремлённостью, а также очевидной организационной устойчивостью. Этим учёным были обозначены признаки, которые сегодня охватываются понятием сплочённости преступной группы и целью преступной деятельности. В этом контексте учёный следующим образом раскрывал понятие шайки: «Шайка есть союз, составленный для совершения наперёд неопределённых одного рода или разных родов преступлений. Шайка стремится образовать отдельный организм, государство в государстве. Она представляет известную аналогию с государством: она имеет организацию власти, общий интерес, иногда даже свой общий язык. Шайка есть тайное учреждение для борьбы с общественным порядком; она – источник непрерывного ряда преступлений. Шайка есть заговор без подробно поставленной цели. Деятельность её получает характер заговора, когда члены шайки сговариваются для совершения данного преступления. Действующее законодательство употребляет слово *шайка* (здесь и далее курсив в цитатах наш – И.У.) и для названия *скопа* преступников с намерением совершить одно только преступление. Наказуемо само образование шайки, хотя бы и не было совершения или даже покушения на преступление ... *В заговоре и шайке наиболее виновны основатели и предводители*. Как и в других видах участия, так и в заговоре и шайке, кроме физических виновников, могут существовать умственные виновники и пособники»[3, с.221-222].

С.М. Будзинский, на наш взгляд, первым в отечественной теории уголовного права дал столь подробное, системное и достаточно чёткое толкование института шайки, в связи с чем, мы и считали целесообразным привести относительно объёмную выдержку из его труда (у этого автора имеются также интересные мысли о шайке как виде соучастия с точки зрения сравнительного правоведения, но мы этот аспект здесь не рассматриваем).

В свою очередь, известный русский криминалист периода поздней империи и государственный деятель Н.С. Таганцев указывал на то, что «существо шайки

заключается в постоянном характере сообщества, в обращении членами шайки преступной их деятельности как бы в ремесло»[4, с.17]. В другой работе шайка, как особая преступная группа, определялась Н.С. Таганцевым следующим образом: «Шайкой признается соглашение нескольких лиц на совершение нескольких определенных или *неопределённых*, однородных, разнородных преступных деяний. Существо шайки заключается в *постоянном характере сообщества, в обращении членами шайки преступной деятельности в ремесло*»[5, с.106-107].

Такой подход станет доминирующим в характеристике наиболее общественно опасного вида соучастия в преступлении. Он же предопределил и позицию имперского законодателя при разработке и принятии уголовных законов. Так, в упомянутом Уложении о наказаниях уголовных и исправительных (мы рассматриваем этот закон в редакции 1885 г. [6]) указанный вид преступной активности был в первую очередь связан с юридическим термином «участие в преступлении» (Раздел I. Отд. III), выступавшим «как родовое понятие» преступного соучастия. И прежде всего, закон требовал выяснения того, совершено ли преступление по предварительному соглашению (сговору) или без такового (ст. 11). Вопросы соучастия в преступлении и ответственности соучастников регулировались статьями 11-15 и 117-128 Уложения и, при обычном порядке судопроизводства, обязательно выносились на решение присяжных заседателей. В соответствии с указанным порядком, в случае наличия предварительного соглашения, законом далее различались зачинщики, сообщники, подстрекатели (подговорщики) и пособники (ст. 13). Однако в любом случае, при наличии сговора двух и более лиц, каждое из них несло ответственность за преступление в целом, и такое соучастие именовалось «шайкой». Помимо этого, среди лиц, причастных («прикосновенных») к преступлению, хотя и не участвовавших в нем, различались попустители, укрыватели и недоносители (ст. 14).

Законодатель учитывал, что организовавшаяся группа, с одной стороны, могла совершать самые различные преступления (в т.ч. ненасильственного характера), а с другой стороны - характеризоваться различным уровнем сплочённости и приверженности преступным намерениям. При этом в ст. 922 определялось, что «за составление злонамеренных шаяк и вступление в оные, виновные подвергаются, смотря по цели составления шайки, наказаниям, в нижеследующих статьях определенных...» [6]. И далее указывалось несколько групп преступлений и ответственность за создание шайки (общества) для их совершения. В частности, по ст. 923 наиболее жёстко наказывалось «составление общества для преступлений государственных», а равно и «вступление в оное с знанием о цели его», а также за недонесение о таком обществе (ответственность как за совершение государственного преступления). Согласно ст. 924, для организовавших шайку для «учинения» наиболее тяжких общеуголовных преступлений (разбои, поджоги, фальшивомонетничество и др.), даже если шайка не совершила никакого преступления, предусматривалось наказание в виде каторжных работ до 6 лет. Участие в такой шайке и недонесение о таковой наказывалось мягче (ссылка на поселение и житье, отда-

че в арестантские отделения). Особый интерес представляет ст. 926, где указывается, что наказанию подвергается *«основатель и начальник шайки или сообщества»* (помимо членов шайки, которые несли ответственность как за участие в таковой, так и за совершенные шайкой преступления), созданных для противозаконного провоза спиртных напитков, провоза контрабанды и вообще для производства запрещённой торговли, запрещённой игры, для подкупа чиновников. Тогда наказание для такого «начальника» было сравнительно мягким – таким же, как, согласно ст. 925, за «составление» шаек для совершения краж, мошенничества «делания» фальшивых документов (исключая государственные бумаги): ссылка на жительство или отдача в арестантские отделения. Обращает на себя внимание, что законодатель только один раз использует термин *«основатель и начальник шайки или сообщества»*.

Аналогичный, в целом, подход наблюдается в Уголовном уложении 1903 г. [7] Так, в общей части Уложения (глава первая «О преступных деяниях и наказаниях вообще») в отделении пятом («О видах виновности») регулируется институт соучастия в совершении преступления, где, в частности, в ст. 52 указывается: *«Участие в сообществе для учинения тяжкого преступления или преступления или в шайке, составившейся для учинения нескольких тяжких преступлений или преступлений, наказываемых в случаях, особо законом указанных»*[7]. Один из таких случаев отрегулирован в ст. 279, где говорится об ответственности *за участие в шайке*, составившейся для фальшивомонетничества, воровства, разбоев, вымогательства, мошенничества, повреждения чужого имущества, хранения и сбыта имущества, добытого заведомо посредством преступного деяния, «водворения» контрабанды. В этом Уложении законодатель, с одной стороны, некоторым образом обобщил (сократив) соответствующие уголовно-правовые нормы Уложения 1845 (1885) г., а с другой стороны, не стал концентрировать внимание на ответственности руководителя преступной организации. Но общим для Уложений 1845 (1885) г. и 1903 г. являлось то, что самостоятельный состав преступления в виде создания преступной организации не предусматривался, а ответственность руководителя преступной организации в Уложении 1903 г. не выделялась.

После революции 1917 г. советский законодатель в первых уголовных кодексах (1922 и 1926 гг.) также усиливал уголовную ответственность, если преступление было совершено в соучастии. Так, в ст. 47 УК РСФСР 1926 г. [8] совершение преступления группой относилось к отягчающему обстоятельству. При этом нужно иметь ввиду высокую степень политизации первых уголовных законов советской власти. Так, в ст. 58-3 – 59.6 этого кодекса определялась ответственность *«за участие в организации»*, действующей, если обобщить, *«в контрреволюционных целях»* и *«в направлении помощи международной буржуазии»*, и соответственно эти преступления являлись государственными («контрреволюционными»). Наказание было жёстким: расстрел, при смягчающих обстоятельствах – лишение свободы не ниже трёх лет, а также - конфискация имущества. Помимо этого, законодатель в ст. 59.4 выделяет преступление в виде *«организации и уча-*

ствия в бандах (вооружённых шайках)», причём ответственность за такое преступление (расстрел, лишение свободы не ниже трёх лет, конфискация имущества), относимое к преступлениям против порядка управления, наступала, независимо от того, имели место реальные убийства или ограбления. Вместе с тем, самостоятельного состава преступления в виде создания преступной организации (сообщества) и/или участия в таковой не было и, в целом, советский законодатель в этом акте не обозначает преступности как разновидности противозаконного ремесла, и, тем более, не выделяется ответственность лидеров преступных групп. Очевидно, такой подход был обусловлен необходимостью сбить волну насильственной преступности, и прежде всего бандитизма, которая возникла в результате революционного кризиса и гражданской войны.

В дальнейшем, однако, советский законодатель так и не ввёл в уголовное законодательство нормы об ответственности за самостоятельный состав преступления - создание преступной организации (сообщества) и участие в таковой. Но теперь уже мотивация, на наш взгляд, была иной, а именно - советская правящая элита по политико-идеологическим соображениям не допускала даже возможности организованной преступности в советском обществе, которое строило коммунизм и в котором преступность постепенно вообще должна была исчезнуть. Поэтому организованная преступность предусматривалась только в узких рамках - применительно к государственным преступлениям и бандитизму. Это касалось также и УК РСФСР 1960 г. [9], где в Общей части самый опасный вид соучастия был определен как «организованная группа», совершение преступления в составе которой являлось, согласно ст. 39, отягчающим обстоятельством, а организованная преступность выделялась только для двух составов государственных преступлений: «организационная деятельность, направленная к совершению особо опасных государственных преступлений, а равно участие в антисоветской организации» (ст. 72) и бандитизм (ст. 77). Была также определена ответственность за недонесение об этих преступлениях. Следует заметить, что диспозиции указанных статей УК РСФСР 1960 г. оставались неизменными до принятия УК РФ 1996 г. А в 1995 г. уже российский законодатель ввёл новый состав преступления, связанной с организованной преступностью – «организация или участие в незаконных вооружённых формированиях» (ст. 77.2 УК РСФСР), что отражало сложную обстановку в Чеченской республике (наказание – лишение свободы на срок до восьми лет).

При этом объективная сторона бандитизма, как разновидности организованной преступности, в УК РСФСР 1960 г. была изложена, как нам представляется, не совсем удачно, так как она была сформулирована таким образом, что дала основания для диаметрально противоположных как доктринальных суждений, так и судебных толкований. Суть противоречий представляется нам довольно существенной и заключалась в том, следует ли, помимо собственно бандитизма вменять участникам бандитских нападений также ответственность и за совершенные бандой преступления, или же ответственности за бандитизм достаточно, поскольку

она охватывает собой все другие совершаемые преступления. Этот вопрос имел такую развилку в значительной степени, потому что наказание в виде лишения свободы (если не назначалась смертная казнь) по действовавшему тогда уголовному закону не могло превышать пятнадцати лет независимо от количества и тяжести совершенных деяний. В частности, в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 23 октября 1959 г. в разъяснении по данному вопросу отмечалось следующее: «Суды не всегда единообразно квалифицируют отдельные преступления: убийство, хищение государственного и общественного имущества и др., совершенные бандой. Некоторые суды *правильно* применяют в таких случаях правила о совокупности, а другие исходят из того, что все эти преступления полностью охватываются ст. 14 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления и что дополнительной квалификации этих преступлений не требуется» [10]. На доктринальном уровне такую позицию поддерживала, в частности, Н.Ф. Кузнецова, акцентировавшая внимание на том, что, поскольку бандитизм представляет собой сложное составное преступление, то и ответственность за его совершение должна быть интегративной (не случайно эта ответственность предполагает очень строгое наказание) [11, с. 117-119]. Причём, эта позиция была доминирующей. Но тот же Верховный Суд СССР буквально через два с половиной года принял решение по конкретному уголовному делу, в котором, среди прочего, сделал разъяснение по рассматриваемому вопросу, отметив, что совершенные бандой ряда преступлений (хищение чужого имущества, насильственные действия в отношении физических лиц, включая убийство, и незаконное хранение и ношение оружия) вполне охватываются составом бандитизма, в связи с чем, дополнительной квалификации указанные преступления не требуют (кроме случаев, когда во время нападений совершены другие деяния, по своим признакам подпадающие под состав более тяжкого преступления, чем бандитизм) [12]. Указанное противоречие ещё не потеряло своей актуальности.

Между тем, отсутствие в советском уголовном законе ответственности за организованную преступность не означает, что таковой не было. В период «застоя» стало ясно, что идея коммунизма не осуществима, общественные интересы перестали быть приоритетом в жизненной позиции многих (очевидно, большинства) советских граждан, общественная (государственная) собственность стала соблазнительным объектом для тех, кто готов был поживиться чужим добром, попирая моральные принципы и нормы закона. А такой собственностью управляли вполне конкретные люди (директора заводов, фабрик, цехов, магазинов, их окружение и т.д.), и эта собственность располагалась на вполне конкретной территории, которая также управлялась конкретными людьми (местные исполкомовские и партийные «товарищи», прокуроры, судьи, милиционеры и т.д.), и на которой орудовали вполне конкретные криминальные авторитеты. На каком-то этапе развития СССР (очевидно, 1970-е гг.) интересы указанных групп лиц по своему обогащению за счёт государственных ресурсов стали активно сближаться. А в 1988 г. в «Литературной газете» появились две публикации Ю. П. Щекочихина, основу

которых составили интервью с сотрудником НИИ МВД СССР А.И. Гуровым, и в наиболее известной статье «Лев прыгнул»[13] этот специалист по проблемам борьбы с организованной преступностью открытым текстом сказал то, в чем официальные советские власти долго не решались признаться - в стране уже давно действуют мафиозные структуры, в частности, он отмечал: «Корейко вышел из подполья! Те, кто раньше стеснялся своих законных миллионов, начали открыто их вкладывать в «Мерседесы», в бриллиантовые кольца, в особняки, которые возводили уже у всех на виду ... Все больше и больше денег из госбюджета начало перекачиваться в частные руки. Способов было много, но основной - создание подпольных цехов и даже фабрик, через которые началась перекачка государственных сырьевых ресурсов. Появились и "цеховики" – преступники в белых воротничках. И как реакция на появление теневой экономики – резкая активизация "профессионального" преступного мира ... преступные организации распространены, прежде всего, во всех южных регионах ... Конечно, Москва и Ленинград, отмечены преступные организации (но на более низком уровне) в Тамбове, Пензе, Ярославле, Перми ... Сейчас в преступной среде стало престижным брать под свой контроль маленькие города. В Московской области - это Балашиха, Люберцы, Пушкино, Орехово-Зуево»[13].

Появление в УК РФ ст. 210 как раз отражает это явление, при этом, ввиду долгого непризнания этой проблемы, уже было потеряно много времени, в результате борьба с организованной преступностью испытывает большие трудности: спустя тридцать лет после создания первых подразделений по борьбе с организованной преступностью (конец 1980-х гг.) можно констатировать, что эта преступность не просто жива – в условиях «дикого» капитализма после распада СССР она ещё более прирастает в своих масштабах, статус фигурантов по такого рода делам все более повышается - таковыми становятся лица, занимающие высокое должностное положение (федеральные министры, губернаторы, мэры и др.). Среди примеров последнего времени можно отметить следующие. В марте 2019 г. арестован бывший федеральный министр Аб-в, которому вменяется, среди прочего, создание преступного сообщества, посредством которого были похищены и выведены за рубеж несколько миллиардов рублей[14]. Такое же обвинение (помимо обвинения в совершении других преступлений) предъявлено бывшему главе Республики Коми Г-ру, причём, по этому делу, уже направленному суд (в марте 2019 г.), в числе подсудимых проходят (все - бывшие) председатель Госсовета (парламента) этой республики, заместители председателя правительства, заместитель и советник главы Республики, член Совета Федерации и депутат Госдумы от Республики, местные крупные предприниматели и др. Как видно, фигурантами стали практически все лица, занимавшие высшие властные должности этого субъекта РФ, которые, по версии обвинения, соединили свои эгоистические устремления незаконно обогатиться за счёт госбюджета в преступное сообщество, отличавшееся «масштабностью своей деятельности, выраженной в межрегиональном и международном характере преступных действий её участников, иерархическим по-

строением преступной организации, сплочённостью и тесной взаимосвязью руководителей и участников преступного сообщества, строгой подчинённостью нижестоящих участников вышестоящим, отработанной системой конспирации и защиты от правоохранительных органов» [15]. О сложности борьбы с такого рода преступными сообществами говорит тот факт, что подсудимый бывший глава Республики был избран на эту должность в 2014 г. с результатом почти 80%. Были арестованы также мэры всех крупнейших городов Республики (Сыктывкара, Воркуты, Ухты, Печоры), и, хотя они были привлечены к ответственности по другим делам, совершенно очевидно, что с главой Республики они не могли не взаимодействовать. Мы полагаем, что российским обществом ещё не осознано это явление, когда целая республика – субъект РФ – оказалась, по сути, в криминальных клещах, которые, однако, внешне, облечены в формально правильные решения, но за которыми скрываются тяжкие преступления по экономическому обескровлению страны.

И этот процесс наступления оргпреступности, на наш взгляд, ещё не остановлен. Помогут ли его остановить предлагаемые изменения в УК РФ, о которых говорилось в начале статьи? Мы скептически относимся к такой инициативе, и не потому, что она неправильна (есть мнения о том, что эта норма будет способствовать дополнительному «удушению» бизнеса [16], но мы не углубляемся в эту дискуссию). На наш взгляд, действующий УК РФ, впитавший опыт предшествующих поколений российских законодателей, уже давно позволяет изобличать и привлекать к ответственности лиц, создающих преступные сообщества и занимающие в таковое высшее положение. Но для этого нужны значительно более энергичные меры по предотвращению таких преступлений, в которых в абсолютном большинстве случаев фигурируют чиновники. До сих пор в уголовный закон не введена поправка на основании ст. 20 Конвенции ООН против коррупции (о незаконном обогащении чиновников). Нет должной реакции на публикации в СМИ о несоразмерном должностном богатстве должностных лиц, включая премьер-министра – нужно проверять и привлекать к ответственности либо чиновников, если информация подтверждается, либо авторов публикации, если это не соответствует действительности: молчание власти в таких случаях недопустимо. Далеко не всегда оперативные работники и следователи правоохранительных органов отвечают требованиям профессионализма и моральным принципам (одно известное дело бывшего полковника Захарченко говорит о многом, а генпрокурор России Ю. Чайка и вовсе дал крайне низкую оценку следователям СК РФ: «К сожалению, для многих наших следователей сегодня уголовно-процессуальное законодательство, нормы материального права - это космос» [17]). Не действует институт парламентского контроля, как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов РФ. Наконец, если обобщить, акцент должен делаться на неотвратимости наказания в правоприменительной практике, а не на интеллектуальные теоретические изыски по вопросам, не имеющим принципиального характера (эти усилия направить бы, например, на законодательное определение понятия «незаконное обогащение»,

разработку других норм, позволяющих более эффективно не карать чиновников, а контролировать их доходы). Без реализации указанных направлений предлагаемые поправки в УК РФ, правильные сами по себе, не станут препятствием развитию организованной преступности.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31. 03. 2019 г.).

2. Проект Федерального закона N 645492-7 "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части противодействия организованной преступности)" (ред., внесённая в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 14.02.2019) // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 31. 03. 2019 г.).

3. Будзинский С.М. Начала уголовного права. Варшава: Тип. И. Яворского, 1870. 362 с.

4. Таганцев Н.С. Курс русского уголовного права. Часть общая. Книга первая. Учение о преступлении. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1880. 178 с.

5. Таганцев Н.С. Уголовное Уложение 22 марта 1903 года (С мотивами, извлечёнными из объяснительной записки редакционной комиссии). СПб.: Изд. Н.С. Таганцева, 1904. 407 с.

6. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных с извлеч. из решений правительств. сената, свода законов, сводов воен. и морских постановлений, с указанием подсудности, судопроизводств. правил и прил. Изд. 1885 г. и по Прод. 1912 г. / Сост. В.В. Волков. СПб. Юрид.кн. магазин И. Зубкова, 1914. 1464 с.

7. Уголовное уложение от 22.03.1903 г. СПб: Сенатская типогр., 1903. 144 с.

8. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 "О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года" (вместе с "Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.") // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

9. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

10. Бюллетень Верховного Суда СССР. 1959. № 6. С. 1-3.

11. Кузнецова Н.Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. М., 1958. 132 с.

12. Бюллетень Верховного Суда СССР. 1962. № 4. С. 37 - 39.

13. Щекочихин Ю. П. Лев прыгнул // Литературная газета. 1988. 20 июля.

14. Бывший министр задержан ФСБ // Газета. ru. 2019. 26 марта / <https://www.gazeta.ru/business/photo/abyzov-detained.shtml> (дата обращения: 30.03.2019 г.)

15. СМИ назвали имена задержанных по делу Гайзера, который "планировал вылететь за рубеж" // NEWSru.com. 2015.19 сентября / <https://www.newsru.com/russia/19sep2015/gaizer2.html> (дата обращения: 30.03. 2019 г.).

16. Законопроект против лидеров ОПГ может навредить предпринимателям // Деловой мир (практический он-лайн журнал). 2019. 22 февраля // <https://delovoymir.biz/zakonoproekt-protiv-liderov-opg-mozhet-navredit-predprinimatelem.html> (дата обращения: 30.03.2019 г.).

17. Чайка назвал причину деградации российских следователей: Генпрокурор раскритиковал следствие за незнание уголовно-процессуального законодательства и норм материального права и за взаимодействие следователей с прокурорами // РБК. 2019. 21 февраля / <https://www.rbc.ru/society/26/03/2019/5c9a7ef09a7947ec82f819d8> (дата обращения: 30.03.2019 г.).

Literature:

1. Criminal Code of the Russian Federation "dated 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 12/27/2018) (as amended and added., Entered into force on 01/08/2019) // [Electronic Resource]. Access from ATP "Consultant Plus" (date of appeal: 31. 03. 2019).

2. Draft Federal Law No. 645492-7 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (in terms of combating organized crime)" (ed., Amended by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of 14.02 .2019) // [Electronic resource]. Access from ATP "Consultant Plus" (appeal date: 31. 03. 2019).

3. Budzinsky S.M. The beginnings of criminal law. Warsaw: Typ. I. Yavorovsky, 1870. 362 p.

4. Tagantsev N.S. The course of Russian criminal law. Part of the total. Book One. The doctrine of the crime. SPb .: Type. M. Stasyulevich, 1880. 178 p.

5. Tagantsev N.S. Criminal Code of March 22, 1903 (With motives drawn from the explanatory memorandum of the drafting committee). SPb .: Ed. N.S. Tagantseva, 1904. 407 p.

6. Code of criminal and corrective punishment with extract. from the decisions of the governments. Senate, code of laws, codes of military. and maritime rulings, indicating jurisdiction, legal proceedings. rules and add Ed. 1885 and Prod. 1912 / Comp. V.V. Wolves. SPb. Law. Shop I. Zubkov, 1914. 1464 p.

7. Criminal code of 03.03.1903, St. Petersburg: Senate typogr., 1903. 144 p.

8. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of November 22, 1926 "On the Enactment of the Criminal Code of the RSFSR The Revision of 1926" (together with the "Criminal Code of the RSFSRC") // SU RSFSR. 1926. No. 80. Art. 600

9. Criminal Code of the RSFSR (approved by the Supreme Council of the RSFSR 10/27/1960) // Vedomosti Supreme Soviet of the RSFSR. 1960. No. 40. Art. 591.

10. Bulletin of the Supreme Court of the USSR. 1959. № 6. S. 1-3.

11. Kuznetsova N.F. The value of criminal consequences for criminal liability. M., 1958. 132 p.

12. Bulletin of the Supreme Court of the USSR. 1962. № 4. S. 37 - 39.

13. Schekochikhin Yu. P. Lev jumped // Literary Gazette. 1988. July 20

14. *The former minister detained by the FSB // Newspaper. ru. 2019. March 26 / <https://www.gazeta.ru/business/photo/abyzov-detained.shtml> (appeal date: 03/30/2019)*

15. *The media called the names of the detainees in the case of Gaizer, who “planned to fly abroad” // NEWSru.com. September 2015.19 / <https://www.newsru.com/russia/19sep2015/gaizer2.html> (appeal date: 30.03. 2019).*

16. *The bill against the leaders of organized crime groups can harm entrepreneurs / Business World (practical online magazine). 2019. February 22 // <https://de-lovoyimir.biz/zakonoproekt-protiv-liderov-opg-mozhet-navredit-predprinimatelem.html> (appeal date: 03/30/2019).*

17. *Chaika named the reason for the degradation of Russian investigators: the General Prosecutor’s Office criticized the investigation for lack of knowledge of criminal procedure legislation and substantive law and for the interaction of investigators with prosecutors // RBC. 2019. February 21 / <https://www.rbc.ru/society/26/03/2019/5c9a7ef09a7947ec82f819d8> (circulation date: 03/30/2019).*